

Интервью с режиссером, который живет там,
где ставит спектакли

ОН НЕ МОЖЕТ РАЗГЛЯДЕТЬ «ОТЕЛЛО»

ПРОЕКТ «Двух веронцев» – первой премьеры драматического театра имени А. Пушкина в нынешнем сезоне – еще год назад обсуждали как вариант творческого сотрудничества главный режиссер драмы Сергей Пускепалис и режиссер из Польши Линас Зайкаускас.

Обе стороны отнеслись к совместным проектам более чем серьезно – иначе к чему перспективные планы не просто «задолго до», а много «задолго»? «Продукт» магнитогорской публике представлен, отзывы театралов еще впереди. Отнимать хлеб у критиков не станем – представим самого режиссера.

– **Линас, какими судьбами в Магнитогорске?**

– Достаточно долго я был заочно знаком с главным режиссером вашей драмы Сергеем Пускепалисом. По сценическим работам мы имели друг о друге представление: Сергей был слышан о Зайкаускасе, а я, в свою очередь, получал множество лестных отзывов о Пускепалисе, о вашем театре драмы, слава которого гремит по России, и его директоре Досаеве.

– **Даже так?**

– Именно. Где ни скажешь «магнитогорский театр», в ответ следует: «А, это тот самый Владимир Досаев?», или: «А, это тот, где Сергей Пускепалис?», или: «А, знаем: очень хороший театр». Это не комплимент, а действительно так. Иначе что привело бы меня в Магнитогорск, если бы я не знал, что здесь хороший театр? Да и наши постановки бывали на одних и тех же фестивалях: в Кургане я поставил спектакль «Неуловимые», который пересекся на «Золотом коньке» в Тюмени с магнитогорским «Блин-2».

Года три назад мы созвонились – кто был инициатором, уже не помню. Может, я, так как узнал, что литовец по национальности работает в Магнитогорске. Кажется, первый порыв все же исходил от меня: представиться. Потом переписывались, Сергей предложил поставить спектакль, и я с большим удовольствием приехал сюда, хотя мои творческие планы расписаны на три года вперед.

– **Вы где живете? Где ваша «штаб-квартира»?**

– Вот это непросто. Вообще-то я гражданин Литвы, но с 1998 года живу в Польше. Еще четыре-пять лет назад я спокойно мог ответить, где живу, сейчас склонен думать, что живу там, где ставлю спектакли. Примерно по пять в год – на каждый по два месяца. Поэтому там, где я живу сегодня, вы можете не заставить меня в ближайшем будущем.

– **Как насчет национальной «изюминки»? Свойственна ли она вам?**

– Скорее всего, на мне «следы» не столько национальности, сколько национальной театральной школы. Я бы грешил, если бы не говорил, что на меня очень сильно повлияло творчество таких гениальных режиссеров, как Някрошюс, Туминас, Янус Вейктус. Этот так называемый отпечаток литовского театра я, безусловно, с собой ношу.

– **Что в нем необычного?**

– Литовский театр, может быть, больше всех остальных поэтичный и метафоричный. Я думаю, причины – это мое субъективное мнение – в том, что в Литве никогда не было хорошей прозы и драматургии, зато очень сильная и, увы, не переведенная на другие языки европейского, а может, и мирового уровня поэзия – поверьте мне на слово.

Было и есть до сих пор множество очень хороших поэтов. Из знаменитых имен, которые перевели на русский язык, Эшкинас Маркичавичус и Эдуардас Межелайтис, Хенрикас Радаускас.

В сороковых годах появились интересные и сильные режиссеры, но откуда им черпать материал, если нет своей национальной драматургии? Выбор невелик: из зарубежной классики или из поэзии с большим количеством метафор – они-то и перекочевали в театр. Русская поэзия больше играет словом и настроением, а литовская – метафорой. Это



мысль, знак, ребус, аллегория или парадоксальное соединение частей. Все это лишь мои субъективные впечатления: я не литературовед, мне тяжело обсуждать это профессионально – боюсь наговорить глупостей.

– **Жителям Прибалтики приписывают множество шуток и ярлыков насчет их медлительности и нерасторопности. Про себя вы можете сказать подобное?**

– Я – исключение. По гороскопу Близнец – а это очень подвижный знак – и потому не могу подтвердить общепринятого мнения.

– **Хорошо поставленный спектакль для Линаса Зайкаускаса – это?**

– Для любого профессионала существуют свои критерии оценки, но если я начну говорить профессиональным языком, не знаю, будет ли интересно читателям. Если грубо, мы же понимаем, что такое качественно сделанные стол или стул, качественно построенный дом или надежно собранная машина. В искусстве, конечно, много субъективного, больше на уровне «нравится-не нравится», «мое-не мое». Но если ты хоть немножко воспитан на искусстве, разобраться легче. Я, например, очень люблю Марка Шагала и считаю, что это мое. Не люблю Пикассо – это не мое, но все равно понимаю, что он гений и великий мастер. Так же и в отношении спектаклей и фильмов: всегда видно, интересно это, хорошо, добротно, профессионально или нет.

– **Сроки постановки спектакля имеют для вас какое-то значение?**

– Это зависит от пьесы и ее объемов – есть ведь разница, два в нем актера или сорок. Важно и то, кто и как умеет работать. Литовский режиссер Някрошюс – минимум девять месяцев, «Фауста» ставит второй год. Знаю тех, кто работает долго. Другие ставят очень быстро.

Мои оптимальные сроки – около двух месяцев. Я привык к этому режиму, к этому темпу. Очень хорошо готовлюсь, перед тем как встретиться с актерами. На первую репетицию я должен прийти, зная все от «а» до «я», поскольку не могу позволить себе иметь лишь общее видение, какой-то каркас, а потом экспериментировать. Я все вижу заране

нее – это моя кухня. При этом результаты Някрошюса, который работает над постановкой девять месяцев, намного лучше моих. Его знает весь мир, а меня – никто. Его финансирует знаменитый продюсер Альдо Громпано, который поддерживает также Питера Брука и Луку Эранконе, а меня он не финансирует.

– **Это важно для вас?**

– В каком-то смысле – да. В конце концов, одни живут и работают в Магнитогорске, а другие – в Москве или Нью-Йорке.

– **Почему тогда вас приглашают?**

– Скажем так: скорее всего, я делаю профессиональные спектакли. Хорошие или нет – вопрос вкуса.

– **Что привлекает вас больше – классика или современный материал? Есть любимые авторы?**

– Тоже простой вопрос. Я читаю пьесу и либо вижу ее с первых строк, либо не вижу вообще. Если вижу и знаю, как поставить, – это моя пьеса. Неважно, Шекспир это или Мольер, современные или античные драматурги. Я ставил все. Странно: «Макбета» читал и сразу увидел – это мое. Взял несколько лет назад «Короля Лира» – не увидел, спустя пять лет – все понял. «Отелло» не вижу до сих пор.

– **Обычно вы выходите в театр с готовым материалом или соглашаетесь на конкретные предложения?**

– По-разному. Или мы находим какой-то компромисс, или я отказываюсь. За последние лет работы в театре у меня накопился портфель с пьесами, тридцать-пятьдесят из них я могу ставить честно и не кривить душой. Предлагаю такой список, а руководители театров решают, подходит им или нет. Случается, что настаивали на конкретных вещах. С Сергеем Пускепалисом мы обсуждали, что хорошо бы поставить Шекспира, но не «Короля Лира» или «Макбета», а что-то из комедий. Слава богу, у меня в портфеле есть и это. Сначала шла речь об «Укрощении строптивой», в итоге остановились на менее известном материале – «Двух веронцах».

ИНЕССА ФОТЕВА.

ИСТОРИЯ В КАДРЕ

«Русское чудо» Магнитки

В 1963 ГОДУ на киноэкраны СССР вышел двухсерийный документальный фильм «Русское чудо», созданный германскими документалистами Аннели и Андре Торндайк.

Как утверждает пресса того времени, это было сенсацией, ибо до сей поры не было такой грандиозной работы в кинодокументалистике о Стране Советов. Тем более – картина создана иностранцами.

Советскому зрителю было интересно посмотреть на свою страну, что называется, «чужими глазами». Никто не ожидал, что зритель пойдет на более чем трехчасовой документальный фильм: было общепризнанным мнение, что неигровые картины приемлемы для просмотра только как короткометражные.

Создатели фильма супруги Торндайк так объясняли свое решение: «Во время нашего посещения Западной Европы мы неоднократно сталкивались с почти полным незнанием того, что происходило в Советском Союзе с 1917 года и что происходит в настоящее время...» И вот осенью 1958 года началась подготовка к созданию фильма «Русское чудо». Работа над ним длилась более четырех лет. Авторы отыскали богатейший архивный и фотоматериал: и выдержки из дневника царя, и отпечатанные на четырех языках акции фирмы Нобель (Баку), и отчет о намерениях и планах штабов западных интервентов и промышленных представительств во Владивостоке, почерпнутый из секретного документа английских промышленных кругов... В фильме использованы выдержки из более чем 3000 исторических и экономических работ и дневников политических деятелей...

Вот что писал Роман Кармен о работе Торндайков: «...меня прежде всего поразила колоссальная научно-исследовательский масштаб их деятельности, который был органически связан с творческим процессом, полет творческой фантазии и адски кропотливый, будничнейший, педантичный труд».

Оба кинодокументалиста и три их съемочные группы проехали 800 тысяч километров. Более 100 тысяч метров ленты отснято в различных местах Советского Союза: в Караганде – городе черного золота; в Алма-Ате – столице Казахстана; в Братске – на стройке крупнейшей в мире гидроэлектростанции и в Магнитогорске – городе-легенде... Магнитка – составляющая часть «чуда», которым так восхищались немецкие кинематографисты. Ну а как иначе относиться к факту, когда на фотографиях один и тот же кусок земли с разницей в три десятка лет: палаточный лагерь и благоустроенный зеленый район. Или когда строительная площадка заполнена грабарками, запряженными лошадьми, а через тридцать лет та же площадка – мощный доменный цех. Есть чем восхититься!

К сожалению, в городе этот фильм целиком не сохранился и в его описании мы вынуждены опираться на книгу «Русское чудо», которая была издана в Германии. Поскольку она создана на материалах фильма, то в ней мы находим и наших магнитогорских героев: Бориса Буйвида, трудовая биография которого на Магнитке началась после его эвакуации из Днепродзержинска в начале войны. Он руководил комсомольско-молодежным коллективом двухсотников, потом был комсоргом ЦК ВЛКСМ на ММК. Последняя его должность на комбинате – начальник отдела кадров. Здесь же повествуется о доменичниках М. Рябцеве, В. Родикове, прокатчике Л. Анкудинове, который представлен на фотографиях и у прокатного стана, и играющим на фортепьяно...

Фильм имел огромный успех. Зритель, в том числе и магнитогорский, видел, как судьба испытывала людей на твердость духа. То, что народ в труднейших условиях индустриализации и войны не только выжил, победил, но и развился, вырос в культурном отношении – это действительно чудо.

ТАТЬЯНА ФАТИНА.